

Оглушительно тихая музыка

Знаменитый клавесинист Густав Леонхардт на Early music

КОММЕРСАНТ. - 2004. - 20 ОКТЯБРЯ. - С. 9

фестиваль барокко

Самый именитый клавесинист мира и один из основателей школы аутентичного исполнительства Густав Леонхардт выступил в Петербурге на фестивале Early music.

Малый зал филармонии казался в этот вечер миниатюрной инкрустированной шкатулкой. Особенно под аккомпанемент клавесинных пассажей, прорезавших напряженно застывшую в зале тишину. В этот свой приезд в Петербург Густав Леонхардт отдал дань французской клавирной школе: Луи Куперен, Жан Англебер, Антуан Форкре.

До 60-х годов прошлого века клавесин был изгнан с концертных подмостков. И это при том, что, в отличие от старинных виол или лютни, недостатка в клавесинном репертуаре никогда не наблюдалось. Но исполнители предпочитали играть эту музыку более привычным современному уху тембром рояля. Музыканты любят большие залы с их хорошими кассовыми сборами, а громкие

рояли в них звучат куда выигрышнее приглушенных вздохов и жалоб клавесина.

Но дело, конечно, не только в этом. Отдавая должное архитекторам и мастерам изобразительного цеха эпохи барокко, Европа долгое время совершенно игнорировала оригинальное звучание ее музыки. Считалось даже, что лишь самые эксцентричные интерпретации клавесинной культуры (к примеру, как у фон Караяна или Гульда) могут подарить новую жизнь музейной рухляди. Но вот пришло такое время, когда звуковой нерв барокко вошел в резонанс с современной культурой. Голландец Густав Леонхардт оказался в 60-х одним из пионеров нового движения early music, цель которого — возрождение аутентичных ренессанса, барокко и классицизма. Годами склонялся он над старинными трактатами, изучая оригинальную манеру игры на клавесине до самых прихотливых ее тонкостей. И по всему выходило, что именно в таком неадаптированном виде эта музыка звучит неожиданно современно. Эту истину подтвердила и концертная

практика: вскоре выступления Леонхардта стали местом паломничества тысяч меломанов, а компакт-диски с его клавесином оказались сытным гостинцем для продюсеров музыканта. Имя Леонхардта стало символом мирового движения early music.

Он уже не первый раз в Петербурге, и уже не первый раз мы слышим его магнетическое колдовство над клавишами. Настоящим откровением этого концерта стала сюита Антуана Форкре «Музыка для „короля-солнца“, в которой (вот он — парадокс барочного символизма) не обнаруживается ничего солнечного. И кому как не Леонхардту дано обнажить противоречия той эпохи со всей характерной ей «идеей иррациональности жизни». Обильная, но строгая орнаментика Леонхардта уплотняла упругую статью экзальтированной музыкальной речи Форкре до крайней степени драматизма. Трудно было угадать в клавесинной эквилибристике танцевальной музыки приливного композитора отсветы величия абсолютистской Франции и ее небожителя Людовика XIV. Но именно в этом странном

несоответствии скрывается тайна барочного искусства, и лишь «историческое», то есть аутентичное, прикосновение к этой тайне способно ее разгадать. Но даже при этом наукоемкая игра музыканта ни на мгновение не переставала быть концертной, что означает эффектной и акустически привлекательной. Физиологическое воздействие этой тихой музыки не уступало эффекту от громкоголосых встрясок хорошо вооруженных симфонических оркестров.

Особенное воодушевление публики вызвали несколько чакон, сыгранных музыкантом. В этом старинном танцевальном жанре сконцентрированы прообразы динамики современного action, особенно заметного в минималистической музыке. Чувствуя потребность современной концертной публики в таких энергетических зарядах, Густав Леонхардт сыграл еще одну чакону на бис, чем обрек себя на бесконечное множество сверхплановой музыки. В конце концов даже надоело считать, сколько же раз его вызывали на сцену.

ВЛАДИМИР РАННЕВ

Леонхардт Густав
(исполнитель)

2.10.04